

©

Дикарев А.Д.
МГИМО (У) МИД РФ

МЬЯНМА: ПРОБЛЕМА МУСУЛЬМАН-РОХИНДЖЕЙ и ЕЁ ТРАКТОВКИ

События августа 2017 и позиция России

Два года назад, 3 сентября 2017 г., многие россияне впервые в жизни узнали, что есть на нашей планете народ рохинджа, который является, по мнению многих аналитиков, «самым преследуемым народом мира». В этот день в Москве состоялась многочисленная несанкционированная демонстрация российских мусульман (в основном чеченцев), осудивших «политику геноцида», якобы проводимую властями Мьянмы в отношении народа рохинджа.

Демонстрация, подготовленная по прямому указанию главы Чечни Р. Кадырова¹, повергла в ступор не только милицию, обычно резко реагирующую на несанкционированные демонстрации, но и МИД, где явно не ожидали, что российский региональный лидер столь откровенно вмешается во внешнюю политику России, являющуюся, как известно, прерогативой центральной власти. Впрочем, у Кадырова явно не было задачи идти на принципиальный конфликт с властями на этот счет.

«И Кадыров, и люди вокруг него заявили, что они тоже имеют слово и свой взгляд на международную политику. Государство, в свою очередь, приняло к сведению позицию мусульманской общины», — такое мнение высказал политолог Ф. Лукьянов, комментируя эти события. В то же время, по словам эксперта, российская дипломатия демонстрирует, что дипломатические принципы России незыблемы, даже несмотря на то, что у отдельных групп населения страны может быть свое мнение по той или иной проблеме².

«Незыблемость» российской дипломатии, конечно же, должна сочетаться с определенной гибкостью. В отношении конфликта в Мьянме Россия заняла очень осторожную и взвешенную позицию, отказавшись осудить на уровне ООН этническую политику правительства Бирмы, к чему призывали западные страны. В заявлении МИД РФ говорилось буквально следующее: «Внимательно следим за положением в Ракхайнской национальной области (РНО) Мьянмы. Обеспокоены сообщениями о продолжающихся боестолкновениях, приведших к жертвам среди как мирного населения, так и си-

ловых структур правительства, о резком ухудшении гуманитарной обстановки в этом регионе страны. Призываем все вовлечённые стороны к скорейшему налаживанию конструктивного диалога в целях нормализации ситуации в русле рекомендаций Консультативной комиссии по РНО во главе с К. Аннаном». Как видим из этого предельно аккуратного («аморфного», по выражению одного публициста) заявления, Россия пытается сохранить нейтралитет, не поддерживая ни ту, ни другую сторону конфликта.

Эта «совершенно традиционная для нашей дипломатии», по мнению Ф. Лукьянова, позиция. Она же единственно возможна в том случае, когда речь идет о регионах, не относящихся к приоритетным геополитическим интересам России. Внутренние дела суверенных государств не должны становиться предметом какого-то международного воздействия, (если, разумеется, о том не попросит законное правительство конкретной страны или на то не будет специального решения ООН).

Закономерно поэтому, что при голосовании в ГА ООН 24 декабря 2017 г. по резолюции «О положении в области прав человека в Мьянме», Россия отказалась поддержать резолюцию, как бы встав таким образом на сторону правительства Мьянмы³. Это объяснимо, поскольку Россия намеревается вести более активную политику в странах АСЕАН и стремится наладить полноценные торгово-экономические отношения с Мьянмой⁴. В то же время позиция России косвенно, но недвусмысленно свидетельствует, на мой взгляд, о том, что обвинения в адрес некоторых групп рохинджа в склонности к главному врагу современной цивилизации – терроризму – не лишены оснований, по данным российского внешнеполитического ведомства. В противном случае следовало бы, как минимум, воздержаться при голосовании.

Поэтому нынешняя позиция России по отношению к событиям в Мьянме представляется вполне разумной, учитывая террористическую составляющую конфликта. Открыто поддерживая рохинджа в Мьянме, Россия может получить свою порцию обвинений в поддержке исламских фундаменталистов на территории другой страны, в чем Россия обычно и иногда вполне резонно обвиняет США.

С другой стороны, стремление Кадырова выступать в роли интернационального медиатора, защищающего интересы мусульман по всему миру, вступает в противоречие с осторожной полити-

кой РФ в этом вопросе, так как толкает ее на одну из сторон конфликта, чего Россия обычно старается в таких случаях избегать.

Оценки событий российскими экспертами

Мнения российских аналитиков относительно августовских событий в Мьянме разошлись весьма радикальным образом. Так, политолог Г. Павловский, удивляясь, что российская общественность игнорирует эту тему, уверен, что «там (в Мьянме) – просто один из наиболее бандитских режимов на планете Земля». Ему как бы возражает обозреватель Д. Косырев: «Наши демонстранты... защищают там права преступников. Хотя преступление тут особого рода. Особого – и очень актуального для, например, сегодняшней Европы. Если коротко, то перед нами точное повторение ситуации в Косово... речь идет о многолетней тактике, традиции отжима земель у коренного населения».

«Нелегальные мигранты год за годом создают в буддийской стране свой этнорелигиозный анклав, вызывая ненависть у местного населения», – пишет Косырев. Он уверен, что в нынешнем обострении ситуации в штате Ракхайн вина однозначно лежит на рохинджа. «У них есть подпольная "Армия спасения", которая в конце августа устроила очередные нападения на окрестные села (где живут бирманцы – буддисты), а также на правительственные учреждения. Убиты десятки или сотни людей, пришлось проводить армейскую операцию... население организует вооруженное ополчение для сопротивления агрессору и просит поддержки у армии». Аналитик даже задался вопросом, нельзя ли в случае с рохинджа говорить «о преступном народе», поясняя, что «пора на международном уровне признать преступлением тактику насильственного захвата земель мигрантами, мусульманскими, или какими угодно».

Предельно обнаженная позиция Косырева вызвала резкую отповедь даже у журналистов либерального толка. Так, И. Мильштейн оценил эту публикацию, приравнявшую рохинджа к джихадистам, как «расистский текст»⁵, хотя совершенно ясно, что среди рохинджа много пропагандистов и организаторов из ИГ. Дело дошло до того, что новостное агентство удалило спорную статью со своего сайта, дабы, очевидно, не привлекать к чувствительной теме чрезмерного внимания российского мусульманского сообщества.

И, наконец, некоторые аналитики пытаются усмотреть в конфликте игру внешних акторов и проанализировать ситуацию в кон-

тексте глобализации. По словам известного ученого Д. Мосякова, руководителя Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института Востоковедения РАН, «в настоящее время предпринимается очень серьёзная попытка раскола Юго-Восточной Азии и АСЕАН. В мире, где политика глобального управления подразумевает умение управлять через конфликты, конфликты становятся чем-то обыденным. Их привносят в более-менее стабильные региональные образования, и эти конфликты расширяются, развиваются, открывая возможности для давления и контроля»⁶... О чем идет речь? Во-первых, это игра против Китая, поскольку экономическое присутствие Китая в Ракхайне весьма заметно. Во-вторых – нагнетание мусульманского экстремизма в Юго-Восточной Азии и противопоставление мусульман буддистам, чего там ранее практически не было. В-третьих – попытка создания раскола в тех странах АСЕАН, где имеется значительная мусульманская община (Индонезия, Филиппины). По мнению Мосякова, это опасная игра, в первую очередь со стороны США, нацеленная на то, чтобы разрушить стабильность в Юго-Восточной Азии».

Этнорелигиозная рознь, геноцид или борьба с терроризмом?

Некоторые политологические подходы

Сама история с «геноцидом народа рохинджа» давно уже имеет привкус информационной спецоперации в рамках геополитической войны. Западные лидеры изощряются в квалификации действий бирманского правительства. Усиленно, с подведением теоретической базы, обсуждается вопрос, являются ли уже эти «этнические чистки» (бывший госсекретарь США Р.Тиллерсон)⁷ «геноцидом, разворачивающимся под покровом демократии» (президент Турции Р. Эрдоган), или пока что их следует называть просто «нарушением прав человека» «преследованием и подавлением», дошли ли события уже до уровня «преступлений против человечности» (Эмнести интернешнл). Публикуются специальные доклады⁸ и популярные статьи⁹ с попытками оценить положение дел с точки зрения международного права. Левая западная пресса требует призвать к порядку «самопровозглашенного прозападного диктатора Аун Сан Су Чжи»¹⁰. В общем, как всегда бывает в подобных этнических конфликтах, сходства в оценках ожидать не приходится, субъективные симпатии журналистов и их политическая ангажированность сильно мешают объективному анализу ситуации.

Поэтому не приходится удивляться, что относительно военных операций против рохинджа мнения и оценки были, есть и будут полярными. Одни называют это «буддийским геноцидом мусульман», пытаясь лоббировать в ООН санкции против Бирмы, другие квалифицируют как борьбу законного правительства с исламским терроризмом¹¹.

Политический раскол в американском истеблишменте сказался и на выработке политического курса США в отношении Мьянмы. Госсекретарь Р. Тиллерсон обрушился с обвинениями на представителей мьянманского генералитета, подчеркивая, что «гражданская часть правительства никакого отношения к гонениям не имела».

Тем не менее, справедливости ради следует отметить, что американский госдепартамент отказывается считать происходящее в Бирме геноцидом и чаще всего выражается более аккуратно: «Правительство и силы безопасности пытаются привлечь к ответственности виновных в покушениях на правопорядок, и мы требуем, чтобы это делалось в соответствии с законом и с уважением к правам человека». В этом смысле современная официальная позиция администрации Трампа не противоречит курсу в отношении Мьянмы, взятому при Б. Обаме (снятие санкций, поддержка «демократических процессов» и правительства Аун Сан Су Чжи).

В застарелом этническом конфликте трудно определить, кто прав, кто виноват. И уж тем более не имеет принципиального значения религиозная составляющая. Об этом следует сказать чуть подробнее.

По мнению наблюдателей и аналитиков, живущих в Бирме, мусульманская умма Мьянмы очень миролюбива и толерантна. Мусульманских сообществ в Мьянме – множество, и абсолютное их большинство является лояльными гражданами страны. В свою очередь абсолютное большинство буддистов нацелены на мирное сосуществование религий и культур¹². Все мусульманские общины северного штата Ракхайн, где проживали и проживают рохинджа, да и других штатов, вполне мирно живут с соседями-буддистами. И только с рохинджа в штате постоянно идут конфликты. А это лишний раз доказывает, что источник конфликта лежит совсем не в религиозной сфере.

Вышеприведенное мнение непосредственных наблюдателей совпадает с выводами ведущих экспертов по странам ЮВА. Так А. Симония, ведущий научный сотрудник Института востоковедения

ния РАН, подчеркивает, что Мьянма – толерантная страна, а конфликт носит не религиозный характер¹³.

Таким образом, проблема рохинджа особого свойства. Эксперты отмечают, что по вопросу о статусе этого народа в стране мнения совпадают практически во всех слоях общества и руководства страны¹⁴. Для абсолютного большинства мьянманцев речь идет не о своих гражданах с сепаратистскими наклонностями, с которыми следует тем или иным способом договариваться, а о нелегальных мигрантах из-за рубежа, или (в последнее время, когда группы боевиков-рохинджа начали атаки на военные и гражданские объекты) даже об иностранном вооруженном вторжении террористов¹⁵.

«Как минимум мы можем сказать, что резня в этой бедной стране происходит взаимная, и как минимум мы можем сказать, что инициатива этого раунда насилия исходила от людей, подготовленных и натренированных в террористических лагерях в Пакистане и в Саудовской Аравии». С этим заключением, высказанным в разгар конфликта 2017 г. Ю. Латыниной¹⁶, следует согласиться.

В то же время, как было отмечено выше, мусульман всего мира последние несколько лет активно накручивают на тему «геноцида рохинджа» – причем часто это делают прозападные силы в исламском мире. По мнению некоторых экспертов, это не что иное, как операция по отвлечению внимания исламской уммы от других мест на земле, где права мусульман нарушаются, а также попытка давления на очень важную для Китая страну Юго-Восточной Азии, чтобы добиться ее переориентации на Запад¹⁷.

Этнодемографические данные и история вопроса

Мьянма – одно из самых полиэтничных государств мира. Здесь насчитывают до 135 этнических групп и, по меньшей мере, 108 различных языков. Вплоть до сегодняшнего дня общая численность этнических меньшинств известна лишь весьма приблизительно. По данным большинства справочников титульная нация (бирманцы) составляет чуть менее 70% более чем 50-миллионного населения страны, но высшие должностные лица Бирмы в последнее время оспаривают эту цифру, как «неверную, идущую с колониальных времен», уверяя, что бирманцев в Бирме не менее 85%. Таким образом, этническая принадлежность примерно 8 миллионов жителей страны остается спорной.

Мьянма до последнего времени была одной из самых закрытых стран. Поэтому информация о том, что происходило в годы во-

енной диктатуры, особенно скудна и противоречива. Определенные изменения к лучшему после прихода к власти в 2015–2016 гг. гражданского правительства, фактически возглавляемого Аун Сан Су Чжи, произошли, но для достоверного анализа событий информации категорически не хватает. Самое последнее доказательство этого – совокупность доступных сведений о борьбе бирманского правительства с народом рохинджа.

По сути рохинджа – это мигранты-бенгальцы из юго-восточных районов Бангладеш, которые год за годом создают в преимущественно буддийской стране свои этнорелигиозные анклавы. Рохинджа не являются, как было сказано, гражданами Мьянмы. Более того, самоназвание «рохинджа» мьянманские власти считают незаконным, поскольку по своему языку, обычаям, культуре и внешнему виду эти люди практически ничем не отличаются от бенгальцев, живущих на юго-востоке Бангладеш. Такова, по крайней мере, официальная позиция бирманского правительства.

По мнению большинства специалистов, главной, коренной причиной напряженности, регулярно перерастающей в кровавые конфликты, является отказ правительства Мьянмы признать рохинджа гражданами этой страны. Но так в истории Бирмы было не всегда. Для лучшего понимания следует напомнить исторические обстоятельства возникновения проблемы якобы «нелегальной» миграции.

По мнению многих историков, рохинджа населяют территорию современного граничащего с Бангладеш бирманского северо-западного штата Ракхайн (Аракан), по меньшей мере с XII века. Официальные заявления общественных организаций этого народа (к таковым относится, например, «Национальная организация араканских рохинджа»), разумеется, еще более удревняют историю рохинджа, утверждая, что те проживают на этой территории «с незапамятных времен», а точнее – якобы с VII века¹⁸. Разбор достоверности этих данных – за рамками данной записки

В новое время дело осложнилось тем, что в период британского господства (1824–1948 гг.) эта территория (как и Мьянма в целом) управлялась как часть Британской Индии, поэтому миграция рабочей силы из Индии (в основном с территории современного Бангладеш) считалась внутренней миграцией. Такого рода переселение негативно воспринималось другими жителями Аракана. В результате после обретения Бирмой (с 1989 г. – Мьянма) независимости в 1948 г. миграция стала считаться незаконной, переселенцам

стали отказывать в предоставлении гражданства. Акт о гражданстве Бирманского Союза определил список этносов, которые могли претендовать на бирманское гражданство, рохинджа туда включены не были, этнически они считались бенгальцами – основным населением соседнего Пакистана.

В этом смысле можно согласиться с мнением, что конфликт является еще одной бомбой замедленного действия, которую англичане оставили в регионе, когда произвольно нарезали границы региона без учета этнорелигиозных последствий и затем, когда распускали свою империю¹⁹.

Но не все так однозначно. В период между 1948 и 1962 гг. семьи, которые проживали на территории Аракана (Ракхайна) по меньшей мере в двух предыдущих поколениях, имели право получить удостоверение личности, то есть по сути легализоваться в Бирме. Первый президент Бирмы Сао Ша Тхейк (1948–1952) в 1959 г. высказался так: «Мусульмане Аракана бесспорно принадлежат к исконным народностям Бирмы». В это время некоторые рохинджа даже были в числе парламентариев. Ситуация для рохинджа радикально изменилась в 1962 г., после военного переворота генерала Не Вина. Рохинджа с тех пор стали выдавать удостоверения иностранцев, что существенно осложняло для них возможность получить работу и образование.

В 1982 г. в Бирме был принят новый закон о гражданстве, окончательно оставивший рохинджа в статусе не имеющих гражданства. Даже для того, чтобы стать «натурализованными» бирманцами (первая ступень гражданства), они должны были доказать, что их предки до 1948 г. жили на территории Бирмы и свободно владеть одним из бирманских языков. Для большинства рохинджа это являлось непосильной задачей. В результате в 70–80-х гг., нарастает поток миграции (бегства) рохинджа на территорию Бангладеш, обретение ей независимости в 1971 г. способствовало этому процессу.

Дискриминация между тем нарастала. Так, в 1994 г. Мьянма прекратила выдавать свидетельства о рождении детям рохинджа. Что происходило в последние годы правления военной хунты – почти не известно, страна была практически закрытой для внешнего мира. А об «этнических чистках» на территории Бирмы политические деятели Запада и мировые СМИ начали говорить с 2012 г., параллельно процессу демократизации политического строя Мьянмы и по мере постепенного открытия страны для внешнего мира.

Подчеркну еще раз, что демографические данные о динамике численности и миграции рохинджа предельно ненадежны. Можно говорить лишь об очень приблизительных цифрах. Так, по данным на 2006 г., на территории Бирмы насчитывалось 2 млн рохинджа, в Бангладеш проживало 600 тыс., Пакистане – 350 тыс., Саудовской Аравии – 400 тыс. Еще 100 тыс. – в других странах ЮВА и Ближнего Востока

Теперь же СМИ говорят о миллионном населении рохинджа на территории Мьянмы и 650–700 тыс. беженцев на территории Бангладеш. В связи с этим непонятно, на сколько увеличилось число этих беженцев за последнее десятилетие. Но в любом случае число рохинджа, живущих в лагерях на территории Бангладеш, огромно. Эти лагеря считаются самыми крупными лагерями беженцев в мире. С другой стороны, на фоне 163-миллионного населения Бангладеш и 55-миллионного населения Бирмы эта проблема в демографическом смысле выглядит «периферийной». В политическом же смысле она вышла на первый план вследствие двух обстоятельств.

Во-первых, и прежде всего, как уже говорилось выше, – это активизация исламистской террористической деятельности, явно инспирируемой экстремистами из числа тех рохинджа, что осели на территории Саудовской Аравии. Возглавляет эту деятельность «Армия освобождения Аракана», на которой лежит ответственность за пограничные стычки на границе Бангладеш и Бирмы и убийство нескольких пограничников в 2016 г., что и повлекло за собой карательные акции возмездия со стороны бирманских военных. Таким образом, можно утверждать, что массированное преследование рохинджа в последние два года стало ответной реакцией на нападения на пограничные посты в октябре 2016 г. неопознанными боевиками. Аналогичные, но гораздо более масштабные события произошли и год спустя – 30 августа 2017 г. когда в ответ на нападение 24 августа боевиков рохинджа на 30 полицейских блокпостов воинские части Мьянмы провели кровопролитную операцию возмездия, уничтожив население нескольких деревень штата Ракхайн, населенных рохинджа. Сведения о зверствах бирманских военных всколыхнули мировые СМИ. Из более чем миллионного населения рохинджа, жившего на территории Мьянмы в прошлом году, более 700 тысяч бежали через границу в Бангладеш. Около 127 тысяч остаются на территории Бирмы в лагерях для беженцев.

Следует отметить характерную, вероятно, для любых операций такого рода закономерность. С одной стороны, масштабы злодеяний военных могли быть сильно преувеличены. Опытные пользователи интернета заметили, что многие размещенные на сайтах фото-свидетельства зверств уже публиковались ранее в связи с другими конфликтами в других странах и не имеют отношения к данному событию. С другой стороны, без эксцессов и явных злодеяний со стороны правительственных войск явно не обошлось. Об этом свидетельствует хотя бы стремление властей засекретить операцию. Так, два бирманских журналиста агентства Рейтерс, опубликовавших разоблачительные фотоматериалы, были в декабре 2017 г. осуждены в Мьянме «за раскрытие гостайны». Недавно за них попытался вступиться Евросоюз.

Вторая причина выхода проблемы рохинджа на общемировой уровень – политика держав, в первую очередь США, а теперь и Китая. Среди ряда аналитиков царит твердое убеждение, что Мьянма с победой демократических сил под руководством Аун Сан Су Чжи, которую так рьяно поддерживала администрация Обамы, постепенно становится фактически задним двором Китая. Именно в штате Ракхайн китайцы начали строить гигантский порт с инвестициями в 7 с лишним млрд долларов, и рядом индустриальный парк, в который планируется вложить 3,6 млрд долларов.

Вообще предложения Китая по поводу путей урегулирования в Ракхайне заслуживают самого пристального внимания.

Министр иностранных дел КНР Ван И на встрече с Аун Сан Су Чжи призвал решать проблемы штата Ракхайн в режиме консультаций с Бангладеш и двусторонних переговоров насчет соглашения о репатриации. Что совершенно логично и так и произошло на самом деле: между Бангладеш и Мьянмой в январе 2018 г. была достигнута договоренность о поэтапном возвращении беженцев в Мьянму. Другое дело – как реально пойдет этот процесс и пойдет ли он вообще. Господствует мнение, что соглашение останется пустой декларацией, если Мьянма кардинально не изменит свою политику²⁰.

Но еще важнее, что Ван И недвусмысленно назвал основой конфликта бедность региона, призвав «помогать Бирме всем миром». В рамках проекта «Одного пояса – одного пути» Китай со своей стороны предлагает проложить экономический коридор из Юньнани через Янгон и далее к побережью в специальную зону Кьяукпью, порт на территории штата Ракхайн²¹.

Роль ООН в попытках урегулирования конфликта

27 августа 2018 г. ООН опубликовала выдержанный в резких выражениях доклад, в котором содержались утверждения о преступлениях против человечности и призывы привлечь военных руководителей Мьянмы к ответственности, вменив им геноцид. В то же время доклад раскритиковал ошибки ООН в ее бирманской политике и подход международного сообщества в целом к Мьянме²².

В докладе говорилось: систематическая дискриминация и нарушения международного права имели место в период, когда международное сообщество было вовлечено в происходящее в Мьянме, когда от ООН требовалось воплощать в жизнь свою собственную, исходящую от Генерального Секретаря инициативу «Права человека – прежде всего».

Начиная с 2012 г. доклады ООН предупреждали, что кровопролитие назревает. Эти предупреждения игнорировали американские и ооновские чиновники, которые полагали, что смогут обеспечить переход Мьянмы к демократии. Дипломатическое общение западных стран с бирманскими военными как бы давало тем карт-бланш для этнических чисток, – считают обозреватели, критически настроенные в отношении преобладания военных в мьянманском истеблишменте.

В подробном докладе, подготовленном сотрудниками Лондонского университета в рамках «Международной инициативы по расследованию государственных преступлений», события 2012 г. были охарактеризованы как «Хрустальная ночь», которая явилась, как известно, поворотным событием в отношении нацистской Германии к евреям²³. Но мировые лидеры были увлечены «демократическим переходом» в стране, надеялись на фактического лидера Мьянмы Аун Сан Су Чжи как на человека, способного стимулировать переход Мьянмы к демократической форме правления.

Наблюдатели сообщали из Мьянмы, что «сообщества рохинджа продолжают страдать непропорционально другим народам страны, остаются изолированными, не имеют доступа к образованию, нормальному медицинскому обслуживанию». Но эти наблюдения игнорировались администрацией Обамы, которая обещала «протянуть руку тем, кто разжимает кулаки».

Высокопоставленные чиновники США полагали себя инициаторами реформ в Мьянме. Патрик Мерфи, специальный представитель по Бирме в госдепартаменте, с восхищением описывал визит госсекретаря в Мьянму в 2011 г. как «Киссинджеровский», имея в

виду процесс открытия Америки Китаю при Никсоне. Хиллари Клинтон в мемуарах описывала американскую дипломатию в Бирме как оптимальную, хотя предполагала, что этническая напряженность способна подорвать прогресс.

Автор журнала «Форин полиси» Ю. Линч утверждает, что «в ООН более ясно, чем в США, видели нарастание насилия – но и более сознательно игнорировали его. Когда канадский дипломат Р. Лок-Десальен начала в 2014 г. свою работу в качестве координатора в Бирме, оказалось, что международная организация уступает давлению правительства Бирмы и подвергает цензуре собственные доклады о правах человека, подобно тому, как это было в Шри-Ланке».

Сразу после того, как ООН сделала публичное заявление о гибели 40 человек в поселке Ду Че Яр Тан в январе 2014 г., правительство Мьянмы опровергло этот доклад. У Лок-Десальен был выбор, но она решила не вступать в конфронтацию с правительством Мьянмы. И вообще заявила, что никакой резни вовсе и не случилось, таким образом правительственная версия событий была принята ооновскими чиновниками. Эксперты утверждали, что это была некая критическая точка, когда стало ясно, что правительство Бирмы способно манипулировать ооновскими структурами, а случай в Ду Че Яр Тане был только генеральной репетицией насилия в отношении рохинджа.

В апреле 2017 г. внутренний ооновский документ дал уничтожающе критическую оценку неспособности организации предотвратить будущее кровопролитие. В докладе предсказывалось, что вскоре будет иметь место насилие после новой атаки группировки Арака аль-Яцин, переименовавшей себя в прошлом году в «Армию спасения (освобождения) араканских рохинджа». Доклад предупреждал, что следующая атака станет поворотным пунктом, с далеко идущими последствиями. Так и случилось в августе 2017 г.

«Ответственность за кровопролитие, за судьбу своей страны несут, разумеется, генералы и политики Мьянмы. Но неспособность мирового сообщества действовать при наличии явных предупреждающих сигналов – это серьезная дипломатическая неудача», – так считает политолог Ю. Линч.

Если говорить о возможных путях урегулирования, совершенно непонятно, что именно мировому сообществу надлежало в минувшие 4 года делать по-другому. Еще более строго предупреждать военных Мьянмы об опасностях вступления на путь геноци-

да? Возобновлять политику санкций? Вводить на территорию суверенного государства миротворческие силы ООН под лозунгом «ответственности по защите»? Ясно одно: высшие чиновники ООН и США плохо видят перспективу развития событий, но продолжают уповать на переход к демократии как на панацею, оставляя тем самым рохинджа, в лучшем случае безучастными к «демократическим» инициативам, а в худшем – уязвимыми как перед экстремистской идеологией, так и перед насилием со стороны властей Мьянмы.

Краткие выводы

«Это конфликт, который, к сожалению, очень сложно, практически невозможно решить». С этими словами Д. Мосякова приходится согласиться на данном этапе развития событий. Перспективы радикальных перемен не просматриваются, даже учитывая некую умозрительную возможность имплементации соглашения между Мьянмой и Бангладеш о постепенном возвращении беженцев на территорию Мьянмы и гарантиях их безопасности. В этом столкновении с одной стороны мы видим естественную миграцию бенгальцев, которые уходят из перенаселённого Бангладеш в поисках свободных земель, а с другой — восприятие бирманцами Ракхайна как своей исторической территории, ни пяди которой они не намерены отдавать чужакам.

Ясно, что значительная часть бежавших в Бангладеш не захочет возвращаться в Мьянму и останется надолго в лагерях, лишенных мало-мальски приемлемых бытовых санитарных условий, что многократно умножает риски наводнений, оползней, эпидемий (особенно холеры) в наступивший уже сезон муссонов²⁴. Это ставит на повестку дня, по мнению многих экспертов, необходимость оказания Бангладеш целевой финансовой и организационной помощи со стороны международных организаций²⁵.

Подводя некоторые итоги всему сказанному выше, следует признать, что «за прошедшие десятилетия на территории штата Ракхайн в Мьянме были созданы все условия для появления территории с боевиками и экстремистскими идеологами, которые очень успешно манипулировали практически неграмотными людьми с промытыми мозгами»²⁶.

К тому же в общинах рохинджа существует своеобразный поколенческий раскол: старшие возрастные группы исходят из того, что «плохой мир лучше хорошей войны» и настроены на более-

менее мирное существование в границах Мьянмы. Но за последние годы выросло новое поколение безработной молодежи, с которой активно начали работать прибывшие из-за рубежа (прежде всего, из Пакистана) люди вполне определенного толка. Речь, на мой взгляд, в настоящее время в данном регионе идет не о сепаратизме одной из народностей страны, но о попытке закрепления на части территории Мьянмы наднациональной идеологии ИГИЛ привычными для этой организации террористическими методами. Яркий недавний пример такой попытки, предпринятой боевиками ИГ на территории Филиппин – террористическая атака на город Марави в мае 2017 г., предельно обострившая проблему безопасности в ЮВА в целом и особенно в странах со значительной долей мусульманского населения.

Одновременно налицо явные признаки, крайне мягко выражаясь, «превышения пределов необходимой обороны» со стороны войск правительства Мьянмы. Мировые СМИ скептически смотрят на возможности и желание руководства Мьянмы выполнять взятые ей по соглашению с Бангладеш обязательства по обеспечению безопасности пожелавших вернуться в Мьянму беженцев.

По последней информации, Международный уголовный суд в сентябре 2018 г. начал расследование по делу о депортации народа рохинджа в Мьянме, несмотря на то, что Мьянма не входит в число государств, подписавших Римский статут. На данном этапе будут исследованы сообщения о возможных убийствах, сексуальном насилии, похищении, разрушениях и грабежах. Все это означает, что мировому сообществу явно предстоит еще более активно и в разных форматах участвовать в конфликтах, лишь кажущихся «внутренними», либо «двусторонними».

¹ На следующий день в Грозном состоялась гораздо более многочисленная акция по тому же поводу.

² https://www.gazeta.ru/politics/2017/12/27_a_11551004.shtml?updated

³ За принятие документа проголосовали 122 страны, воздержались – 24. Еще 37 стран просто не приняли участие в голосовании. Лишь 10 стран отдали свой голос против принятия резолюции.

⁴ Важно отметить, что некоторые страны АСЕАН (Филиппины, Лаос, Камбоджа, Вьетнам) и Китай также выступили против этой резолюции, призывающей правительство страны прекратить военные операции, направленные против рохинджа, предоставить им возможность получить гражданство и обеспечить доступ международных организаций в регион для оказания гуманитарной помощи местному населению.

⁵ <https://snob.ru/entry/151074>

⁶ <https://colonelcassad.livejournal.com/3655163.html>

⁷ https://www.foreignaffairs.com/articles/burma-myanmar/2018-01-04/how-us-can-help-resolve-rohingya-crisis?cid=nlc-fa_twofa-20180105

⁸ [https://qmro.qmul.ac.uk/xmlui/bitstream/handle/123456789/25375/Green%20COUNTDOWN%20TO%20ANNIHILATION%3A%20GENOCIDE%](https://qmro.qmul.ac.uk/xmlui/bitstream/handle/123456789/25375/Green%20COUNTDOWN%20TO%20ANNIHILATION%3A%20GENOCIDE%20)

⁹ John Haltiwanger. Is Genocide Occurring Against the Rohingya in Myanmar? - Newsweek Sept 5, 2017

¹⁰ <https://ru.journal-neo.org/2017/10/25/vashington-perehodit-k-sleduyushhemu-shagu-v-m-yanme/>

¹¹ Ситуация, кстати, осложняется еще и тем, что на стороне рохинджа не с кем вести переговоры. Силовикам и властям приходится решать дела на уровне каждой отдельной деревни. А некая «Армия освобождения рохинджа» - это организация, базирующаяся в Саудовской Аравии, она считается порождением Аль-Каиды.

¹² Данную ситуацию можно уподобить случаю с русскими и татарами в России – главные вопросы между ними выяснены много поколений назад, и теперь представители разных религий живут рядом. См. http://echo.msk.ru/blog/kozma_p/2050462-echo/

¹³ <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/05/73712-chto-za-narod-rohindzha-i-chemu-stoit-verit-a-chemu-net-v-istorii-konflikta-v-myanme>

¹⁴ Симония А.А. Мьянма в 2016 г.: новые реалии при демократическом правительстве. // Юго-восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. 33, М., 2016, с.51-52.

¹⁵ Весьма подробно о том, что происходило в штате Ракхайн в последние годы, рассказано в аналитическом материале из Бирмы: См.: http://echo.msk.ru/blog/kozma_p/2050462-echo/

¹⁶ <http://echo.msk.ru/programs/code/2052014-echo/>

¹⁷ <https://www.discred.ru/2017/09/05/kadyrov-stal-zhertvoj-manipulyatsii-na-teme-genotsida-rohindzha/>

¹⁸ <http://www.rohingya.org/portal/index.php/learn-about-rohingya.html>

¹⁹ Происходящее в Мьянме напоминает борьбу Индии и Пакистана за Кашмир, где корни вражды уходят в 40-50-е годы XX века.

²⁰ <https://foreignpolicy.com/2018/05/23/myanmars-atrocities-demand-new-sanctions/>

²¹ China Daily, 25 11.2017, С.3.

²² См. <https://foreignpolicy.com/2018/08/30/western-officials-ignored-myanmars-warning-signs-of-genocide/>

²³ См: [https://qmro.qmul.ac.uk/xmlui/bitstream/handle/123456789/25375/Green%20COUNTDOWN%20TO%20ANNIHILATION%3A%20GENOCIDE%](https://qmro.qmul.ac.uk/xmlui/bitstream/handle/123456789/25375/Green%20COUNTDOWN%20TO%20ANNIHILATION%3A%20GENOCIDE%20)

²⁴ <https://foreignpolicy.com/2018/05/15/the-rohingya-have-fled-one-crisis-for-another/>

²⁵ https://www.foreignaffairs.com/articles/burma-myanmar/2018-01-04/how-us-can-help-resolve-rohingya-crisis?cid=nlc-fa_twofa-20180105

²⁶ http://echo.msk.ru/blog/kozma_p/2050462-echo/